

Наталья Михайлова

ВНЕШНЕЕ СЕРДЦЕ

Стихотворения

Оренбург
2023

УДК 82-1

ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5

М 69

Эта книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и техническом содействии Союза российских писателей

Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей.

Наталья Михайлова. Внешнее сердце. Стихотворения. — Оренбург: Издательский центр МВГ, 2023. — 124 с.

ISBN 978-5-9076806-5-4

© Наталья Михайлова, стихотворения, 2023 г.

© Издательский центр МВГ, 2023 г.

I

Поэт

1.

Дети перелезали через забор, забирались под окна дома и, заглядывая внутрь, смеялись над его нищетой.
Над тем, что в комнатах нет ничего, кроме стола и банки молока.
А у него были бакенбарды, за них его называли Пушкин, и яблоневый сад, за которым он не ухаживал.
Тот яблоневый сад дети обворовывали ещё в июле, упиваясь кислотой.
Дядя Вася Пушкин пас коров, и тогда набиралось стадо огромное.
Пил. И чтобы не пил, его и сделали пастухом.
Однажды бык поднял его на рога.
В областной больнице он умер одиноко.
И Бог по-гречески — «Поэт», я услышала недавно...

А дети бегают по дорогам, жестоко хохоча.

2.

Я помню этот самый высокий холм, у подножия которого гнил его дом с островками голубой покраски, сидящий от дождей. К нему попадаешь с разбегу, на разгоне.

Сад спускался в противоположную сторону, к неведомой канаве, куда было не пробраться из-за крапивы. Представлялось даже, что там крокодилы.

А над всем миром на том холме высился сельсовет, в который ходили звонить по телефону
и больше ни для чего.

«...и от рогов единорогов, услышав, избавь меня», — написано в псалме.

Свои

Под огромной раскидистой голубой елью стояла на нашем участке чужая баня.

Туда ходили мыться чужие. Я видела из окна.

Мы купили дом вместе с участком и вместе с чужой баней на участке.

Она так и осталась чужой. Серебряные брёвна.

Хоть всё было вроде бы наше, но мы были городские, и всё не наше было, и они мылись в бане.

Местные. По субботам. Загадочные, как стога, которые со скамейки были видны,
с другой стороны участка, по утрам — в тумане.

Пусть они моются в бане — мы уедем в город.

Пусть они ходят в свой огород, открывая нашу калитку, наискосок, как привыкли.

Они ещё ждут, когда в нашем колодце очистится вода.

И это будет общий деревенский колодец, и мы тоже всех пустим.

Принимая предложенное устройство мира —
деревню на трёх китах.

Церковь в Кондопоге

1.

В Кондопоге сгорела церковь.

Сразу же я почувствовала себя виноватой.

В прошлом году в четыре утра была там проездом. Решила, что посмотрю церковь в следующий раз.

В следующий раз поживу.

Как она горит, я видела в Интернете. Мне показалось, во мне разочаровались.

Как будто кто-то перестал верить в меня.

Что теперь делать?

Суди меня, пепел, суди меня, дым.

2.

В прошлом году в Карелии мы неслись на моторной лодке сквозь озёра и реки,

из которых вырастали деревья, как дома в Венеции.

В Кондопоге сгорела церковь.

Мы летели, разрезая воду, как бумагу.

Неслись ланцетом.
А вода заживала за нами быстро, как собака.

3.

Моторная лодка, куда ты несёшься?
Остановись.
Там горит церковь — в Кондопоге.
Но лодка несётся.
Смотрю на дым издали вместе со всеми пассажирами.
Умирание святого так быстро остановится погодой.
Чёрные клубы инкорпорируются в облака.
И опасная безмятежность осваивает мою душу, как интервент.
Безразличие завоёвывает незаметно, как реклама.
О дым, пожалуйста, будь чёрной тучей, не принимай вид
ни добродушной лошадки, ни верблюда, ни какого-то дракона китайского.
Будь чёрной тучей, устрашай меня, пугай меня,
словно призрак неудовлетворённого предка
или собственной совести.

Дом

Короеды ели дом.

Он стоял на холме, и можно было уехать в поле, чтобы возвращаться и видеть его.

На велосипеде сквозь струи вечера, на закате воздух расслаивался на природе.

Долгий-долгий обед жуков.

В нашем доме живут после нас.

Жуки разрисовывают доски изнутри, иногда выставляя узоры.

Страдание, разрушая человека, освобождает его.

Поход от плотности к структуре —

линия жизни

на косяке.

Пунктиры, схема, азбука, разбор.

И в моём детстве достроен не был.

В тёмных сенях щели сияли, как звёзды.

Стоит и стоит.

Мы его

улучшениями не тревожили,

доверяя неведомому и невидимому

камню в основании.

Хлеб на люке

На люке у дома — хлеб. Корки и крошки для голубей, воробьёв — кто успеет.

Хлеб раскладывают на люке, потому что люк тёплый и на нём снега нет.

Наверное, птицы уже запомнили этот люк как щедрый обеденный стол.

Может быть, его раскладывают те две старушки,

которые сидят по вечерам на скамейке у спортивного центра

и ноги у них не достают до земли.

И кажется, если они встанут и пойдут, то тоже земли не касаясь.

Сквер

Домой я возвращаюсь через сквер деревьев в тридцать на углу дворовой школы.

В темноте, когда в фонарях листва изумрудна, как искусственная,

и моргает тропинка лужами,

мне кажется, в этом сквере было всё.

Тишина. Чёрное небо. Вместо звёзд — окна, окна. Без числа.

И это не куча листьев, не опрокинутый ствол,

не земля, привезённая для выравнивания и благоустройства.

Это спят апостолы, пока Сын человеческий молится.

Мне кажется так.
Я возвращаюсь домой, проговаривая вместо молитвы:
«Не я ли, Господи?»
Как страшно предавать.

Бунт

Стук палкой за спиной.
Воображаю какую-нибудь старушку. Нет, мужчина...
И как громко он стучит.
Даже обгоняет меня, и первый встаёт на ступени. На вид – бедный человек.
После эскалатора оказывается неведомым образом опять позади. И стучит, стучит...
Словно двадцатый век.
И бесконечное прошлое.

Весна

В воскресенье иду к дому через другие дворы, нежели обычно...
Там большой простор, а детская площадка и помойка — как везде.
Сегодня впервые день похож на весенний. Как тепло. Всё течёт...
Огромный синий бак, подхожу к нему ближе — как будто кто-то выбросил гитару, нет, это лыжи.
А на помойке из кресла, видного в профиль, торчат колени и ладонь, положенная на поручень.
Кто-то выкинул это кресло.

Этого человека...

Каково ему? Сидишь на свалке в мягком, удобном...

Слышны крики детей с площадки, и ругательства молодёжи, и капли, и гудки...

Сидишь, и весь мир кажется чем-то потусторонним, как загробный.

А реальность — эта стена, огораживающая мусор, и ты смотришь в упор

на глухо и глупо покрашенный кирпич.

И, постукивая пальцами по поручню, оцениваешь кладку.

Иго

За дальним банкоматом у выхода из метро — нищий.

Он всё время здесь сидит, и у него огромная фигура.

В нём могла бы расцвести такая сила.

Запрокидывает голову и хлещет водку, как воду.

Он ещё всё-таки прячется от людей в самый дальний угол.

Выхожу на улицу.

Как темно.

Он — как Илья Муромец, а вот кем стал.

Как не в сказке.

И на окраинах дрожит земля.

2.

И так он увлечён этим занятием,
словно исследованием, анализом,
а для простого решения достаточно было бы
сострадания, словно
чуда.

Октябрь

Одно воскресенье в начале октября было летним.

В парке Трёхсотлетия у залива — люди, люди... Осторожничают у воды.

Один мальчик лет восьми плещется на мели.

Бьёт палкой, оживляя брызги, исследует что-то, ведомое только мальчишкам...

Вокруг него суетится младший брат, белобрысый, с отросшими, как у девочки, волосами.

Ему тоже — не страшно.

Отойдя от берега, усеянного поломанным тростником,

метра три, старший мальчик приспускает плавки —

по малой нужде, повернувшись к стадиону, прошедшему чемпионату,

Лаокоону новых дорог...

И — вечность, как всегда.

Иммигрант

Однажды я лежала в больнице. Можно было выходить на балкон.

Я смотрела на деревья. Пахли сладко липы, а тополь маялся.

И слышны были объявления с Московского вокзала, как размеренное кипение чего-нибудь на плите.

Тополь звали мсье Тополь, с ударением на последнем слоге: он был француз или притворялся.

Уж не знаю, как его занесло во двор Боткинской.

Это было давно. С тех пор я видела много тополей. И успела понять, что французы — они все.

Один тополь, с которым я общаюсь сегодня, приставлен к детской площадке, как сторож.

Он взмывает вверх в растрёпанное осеннее небо,

где и ночью различимы белые взбрыкивания облаков, рваные, как кашель.

Какой смелый этот тополь, раз так вламывается в вышину,

будто не боится никаких вопросов, как атеизм.

Там темным-темно — между белыми прочерками,

а он летит всем ростом — вот-вот оторвётся от клумбы.

Из-за озёр окликают нас электрички. Они трубят, как ангелы, и несутся в Выборг.

— Comment ça va, мсье Тополь?

— Ça va bien.

Ни дуб, ни куст, ни благоустройство не понимают ни слова.

Луна нависла, как гильотина, и подмигивает.

2018

Каждый день часа в четыре на углу дворовой школы — люди с бидонами.
Приедет машина, и будет молоко.
В ожидании — общаются.
Мне кажется, большинство здесь не для молока.
«Я была тогда с моим народом...»

Японская литература

1.

На японской литературе нас учили писать хокку.
Русский язык сопротивлялся подсчитыванию слогов, но что-то выходило.
Помню своё:
*Журавлик мой —
символ мира.
А где-то началась война.*
Тогда случилось 11 сентября.
В классе было очень холодно.
И Япония была далеко.

2.

Иногда мы принимали японцев дома.
Юмико перед отъездом: силуэт на фоне окна. Мы с сестрой уступили ей комнату недели на две.
Японская девушка с большими глазами по имени Снег.
Стоит и смотрит на кирпичные дома-новостройки.
Не помню, плакала ли она, но уезжать не хотела.
И что-то было такое правдивое, родное в ней.

3.

В школе нам выдавали картинки, напечатанные на принтере:
русский крестьянин роет яму, а с другой стороны земли — в Японии — вырастает гора.
По-японски гора — «яма».
Так мы связаны.
Мы выучили японский не то чтобы хорошо.
Этот язык сложный, как душа.
Иногда кажется, мы летим и летим в эту гору —
гору наоборот.

4.

И надежда на Японию: на дне ямы
очнуться на высоте.

После когда

Однажды я написала стихотворение:

«Девушка из метро
возраста моего,
что будем мы делать потом,
останемся после когда?».

Это было лет восемь назад.

Я теперь смотрю на девушек в метро, спортивного вида, с рюкзаками, лет двадцати пяти...

Мы встречаемся глазами и что-то понимаем, неведомое никому.

Один пожилой человек спрашивал меня, что значит «останемся после?»

Я не могла ему объяснить, но ведь кончится же это метро.

Электричка с Парнаса

С неведомой горы спускаются боги.

Раньше приезжали электрички пустыми.

Теперь — «Парнас».

Усталые лица едут рано.

Они живут в домах, похожих на египетские пирамиды.

Питер — окраина СПб.

Я присаживаюсь рядом, как жена фараона.
И в статичности наших фигур
скрыта динамика внутренней жизни.

Древний Египет

Время начинается с египетских палитр.
Одна из них — динозавр. Смешной, словно удав, проглотивший шляпу.
В витринах Эрмитажа я сканировала свою жизнь.
Мои слёзы Древний Египет видел.
Обрушившись, как цивилизация, опять я — до нашей эры.
Примусь заново, обогну зал.
В остеклении реет призрак,
словно душа — к Осирису.

2019

Немая женщина ехала с ребёнком.
В метро она посадила его на колени и голову опустила на его голову.
Иногда она поднимала лицо и стоящему мужчине доказывала что-то жестами.
Она была очень крепкая, и яркий макияж.

Я не узнала, какой у неё ребёнок.
Он смотрел сквозь маленькие очки.
Она — словно век, рождающий век.
Необязательно не говорить.

Иммунитет

Девочка лижет подоконник в вагоне метро.
Немолодой отец не смотрит на неё, он смотрит в телефон.
Девочка растрёпанная, как будто мама далеко.
Поздний вечер, почти пусто.
Безразличный взгляд девочки засасывают, как труба,
шатающиеся вагоны позади нас, которые видно в окне.

Девочка качается маятником.
Когда-то жил поэт Саша Чёрный.
Сделать бы ей замечание.
Но они выходят.

Я надеюсь, у девочки иммунитет.
Как удивительно, дети не знают,

что всё кругом опасность, инфекция.
И даже если кажется чистым,
невидимо заражено.

Psycho **Душа**

Какой взгляд был у того мужчины!
Он стоял напротив, с другой стороны от выхода, смотрел вниз и во тьму.
Опухшие пальцы с тёмно очерченными ногтями сжимают тощий пакет полиэтиленовый.
Искусственный материал как будто насмехается над отчуждённостью
бедного человека в джунглях гипермаркетов,
над невозможностью для него приспособливаться. Всё-таки он больше простодушен, чем хитёр.
И его неопрятность трагичность его жизни
возносит до рембрандтовского искусства.
В искусстве — не искать психологии.
Формы, линии, контрасты тона...
Но он смотрит! Проникновенно так.
Стыжусь и сочувствую. Передаю
только обмороком квадрата —
пропасть бессилия.

II

Молодой лес

За нашим домом и кустами,
непарадной оградой из брёвен и правее чужих борозд картофеля,
около настоящего леса, отделённого полем, был лесной островок.
Там кишели муравьи на десятки квадратных метров.

Вдоль него, отделяя покос, была удлинённая поляна, не простая.
Я проходила здесь из озорства.
Вся остальная деревня почему-то оказывалась далеко-далеко.
Под ногами, кто-то мне сказал, и я не забываю, — молодой лес, крохотные деревца, похожие на траву.
Оказывается, мир ещё не доделан.
А я думала, деревья рождаются большими.
И можно вообразить, что я перенеслась тысячу лет назад,
когда Частовы ещё не было, хотя ей уже семьсот.

Или я великан, для которого настоящие деревья — как травинки, а людей мне вовсе не разглядеть.

И я решила, что в этом месте, пока повсюду пасут коров,
стремятся за хлебом и водой, заготавливают заготовки, Происходящее происходит.

Мне нравилось задержаться тут в тишине своего страха,
в сердцевине таинственного замысла, и из-за этого как бы отделённой от него,
воплощающегося так нестерпимо медленно и ужасно быстро...

Наедине с ничем.

Тысячелетия ещё не минуло, но двадцать лет прошло.

Повсюду всё другое, и там, наверное, тоже.

В городе, за школьной оградой, пышно укрыли землю десятисантиметровые сосны.

Они тоже — будут.

И изменят пространство — тенью, запахом, состоянием...

На них взглянет сверху Бог и скажет: «Это хорошо».

Волшебный моток (Бахчисарай)

Он удивительный был. Розовый.

Нужно возвращаться. Город садов.

На закате, которого не было видно, но всё окутано было им, как ароматом.

Дома с облупленной штукатуркой, как речные раковины.

Виноград свисающий.

Улицы без тротуаров.

Мотоциклист.

Всё было как будто припудрено, как красавица.

Автобуса нет.

Две женщины, которым тоже нужно успеть на автовокзал,

а оттуда — в Севастополь — волнуются.

Мне хочется на глаза накатать этот пейзаж, наподобие снежного кома.

Или собрать в моток нитью.

Она выведет меня когда-то — в сказку.

Как здесь сладко.

Невольницы из решётчатого окна гарема видели такой же Бахчисарай.

Известняковые рожи балок не устрашали их, привыкших подчиняться.

Приехал.

А когда нас доставили к станции — меня и всех незнакомых — уже стемнело.

Один мужчина попросил другого подняться со скамейки для того только,

чтобы одолжить у него сигарету.

В автобусе в Симферополь ветер дул из распахнутой крыши.

Один человек, может быть сумасшедший, пытался говорить со мной о Петербурге.

Яковенково (Преображение)

Пустые степи близ Керчи.

Как я иду к полосатому маяку.

И передо мной вьётся спускающимися плавно долинами
Дорога.

И мне показываются её повороты, выплывающие то левее, то правее — у моря, до горизонта.

Налетающие, необыкновенные для лета в Крыму ливни,

как воры,

как летучие мыши,

как наведывающиеся хозяева.

И кроме меня вечером, среди зеленеющей из-за переувлажнённой почвы свободы-полюны,
только петляет ещё дальше по лабиринту без тупиков

белая иномарка,

Преображение.

И по её подмигиванию между возвышенностей

я угадываю, куда идти —

ещё далеко, но как хорошо нам здесь быть...

Давай поставим палатки!

Источники и отражения

Утки топтались на обломках льда, растворяющегося в ржавчине воды.
Мелькали отражения, как калейдоскоп, зелёного и красного светофора.
Ближе к берегу ворона ворочала закоченевшие корки и отпивала Мойку.
Какая ледяная!

Что-то дёрнуло её встрепенуться, и она полетела будто бы над
складками Млечного Пути во вселенской темноте.

Сад открыт в январе.

Сыро, как весной, а в апреле в такую погоду — просушка.

И тогда я завистливо смотрю из-за ограды, как — голубям.

С самым старым деревом хочется поговорить.

В нём нет сознания, но оно живёт так долго, что возраст, кажется,

мог бы превратиться в нём в восприимчивость.

Знакомый восторг от того, что я просто здесь, есть, и воскресенье. Воздух, небо.

И естественным кажется в каком-то доисторическом отчаянии искать любой способ
утвердить — хоть как-нибудь — свою неотчуждённость,
прикрепиться к космической всей архитектуре.

Литосферные льдины сталкиваются выше неба,
оттаивают звёзды, солнце подобрело:
по пруду бредет чайка, прямо по центру глади, он ещё выдерживает её лёгкий вес...

И она, не ведая, как это чудно выглядит со стороны, гуляет себе.
Птицы взлетают кругом, устремляясь туда, где им померещилась кормёжка.

А она идёт себе и идёт среди перевёрнутых деревьев и перевёрнутых людей.

Ожидание

В Озерках за разворачивающимися, словно письма, почками кустарника,
в японских изломах тростника
птица с экзотическим абажуром вокруг головы сидит,
шевели иногда боками,
иногда

шею настороженно вытягивая,
на возвышающейся конструкции, сделанной своими крыльями.

Рядом с ней ещё несколько гнёзд,
которые сразу и не заметишь в прибрежных зарослях,
и я анализирую, какие мне кажутся более защищёнными и — менее.

«Моя», замеченная первой, больше на виду и, заслышав собачий лай, я вместе с ней волнуюсь.
Кажется, забежит сейчас зверь в мель,
опрокинет гнездо, и я умру.

Некуда записать это впечатление, кроме как в книгу в карманной обложке.
И на последней, пустой странице я фиксирую: «Я умру» — всё происшедшее.

Я вспомню,

как поганка (так зовут эту птицу-язычницу) приподнималась потоптаться по соломенным бортам,
что-то отслеживая и перепроверя ранним утром,

как я могла пересчитать коричневатые яйца, от одного до пяти,
и как она снова укрыла их
тёплым телом,

И там стало опять темно, в середине,
как до Библии,
как до Бытия.

Петергоф

На краю парка
перед валом, ограждающим от залива
колючие деревца
с водопадами ранеток-яблок...
...и то ли грехов, то ли — возможностей, смутно вспоминаю,
когда я гуляла здесь последний раз и с кем...

И мы рвали эти яблоки (или воровали?),
значит, была осень... Небо было ясное, голубое.
И как будто висят те же, покоричневевшие, сморщившиеся...
Сжимаю одно пальцами, сок течёт, пахучий, вчерашний, забываемый—не...

И мне кажется, то, как он не выветрился, сохранился, промёрзнув,
словно его память обо мне.

Как будто если у яблока яблочный вкус, оно в меня ещё верит — время, детство, рай.

Его занесло снегом, он изменился почти до неузнаваемости...

Или неузнаваемость изменилась до него.

III

Поклонная гора

Автомобили сигналили,
сгребаясь в кучу с шоссе и проспектов,
и в воздухе, казалось, витало предчувствие аварии...
Сейчас, будет, будет.
Я шла до Удельной по Поклонной.
Одинокие прохожие второй половины дня выплывали навстречу,
И мы пересекались по-над срывающимся лесопарком
леопардовых берёз.
Мальчишка лет 12-ти с обвисшей тяжестью рюкзака
подгонял пинками ледышку из школы...
И христианство
ещё только начинается.

Колосья с чужого поля

По замерзшему пруду в Таврическом саду гуляли
родители и дети.

Мальчишки с разбегу прыгали
в истоптанные заросли двух-трёхметрового тростника.
И на Кировскую, и на Фурштатскую на финских санках
выплывали процессии с длинными колосьями, касающимися неба.

Почему-то всех без разбора радуют
уморительно вытянутые травинки с окончанием-метелкой.

Я подошла по льду к сухому островку,
гражданам Кале...

И не отламываю последние изнуренные тростинки, торчащие вверх,
а нагибаясь, подбираю брошенные колосья...

За многодетными семьями, мужьями, женами, бабушками, дедушками,
маленькими детьми — втоптаные в снег...

Соберу букет и закреплю в рюкзаке, затягивающемся, как мешок.
Я не знаю, есть ли ты, Вооз*.
Я живу так, как будто — да.

*Вооз – прадед отца Давида, герой книги «Руфь».

Выборгская сторона

1.

Вечер субботы.
Почти нет прохожих.
И если иногда встречается человек,
он уносит с собой мои страхи,
а я уношу, как боялся он,
как ему было неуютно.

И, освободив друг друга,
мы замедляем шаг, пробуя любоваться безветренным снежным кануном.

2.

Перепрыгивая через сугробы, на перекрестке я обогнала ребёнка,
возникшего непонятно откуда.
Он бежал впереди отца, увязшего в видеозвонке.

Даже ребёнок здесь!
Даже ребёнок.

И я поймала себя на мысли: если встречаешь ребёнка,
уязвимого, неосторожного, сумасшедшего,
глухая улица
кажется окончательно побеждённой.

Вон церковь впереди.

В Адаме

Говорят,
всё согрешили «в Адаме».
В Адаме — все...

Эти слова прозвучали для меня вдруг как-то нежно, уютно.
Будто все мы, крохотные, забились
в одну палатку,
под одну арку
от дождя.

Будто к незнакомцу
можно отнестись с жалостью и любовью,
вспомнив «в Адаме».

Я его раньше не встречала, но, может быть,
он прятался в другой комнате.

И так спокойно,
что не нужно проверять:

он больше ниоткуда быть не может,
кроме того черепа под крестом
и забившейся в него
земли.

Порошок, уходи

Мужчина, который ещё на платформе показался мне чужаковатым,
сел через одного человека, громко и неразборчиво что-то бормоча,
в наушниках, с курткой, перекинутой через локоть.

И тут же выставил телефон экраном в сторону мальчишки, сидящего напротив,
приговаривая: «Смотри, смотри, я знаю, что ты не спишь, а только делаешь вид!»

«Заразись, заразись!»

И мне показалось, за соседом
я чувствую
эту странную энергию сумасшедшего, которую мне хочется заткнуть: «Порошок, не входи!»
И я восхищаюсь мальчиком, который упорно сжимает веки,
и я за него молюсь.

Господи, побудь ещё с нами, потерпи ещё нас — этот народ.

Сочельник

1.

В Лавре — засохшие бутоны на кустах.
Смотрю на них в сумерках Рождества,
и сосредоточенная их тишина
выглядит громкой и перекрывающей
фон целого мира.

2.

Как густо пахнет сдобой,
и этот плотный запах

доносится из ниоткуда,
слышен словно со всех четырёх сторон света,
выдыхается сырой, незамёрзшей землёй
и кажется слишком сытным
даже для обоняния.

3.

Я не выбрала из прохожих,
кого оповестить,
что здесь на дереве в январе
почки вздулись.

Попробую, как Бог, не рассказать никому.

4.

Как медленно длятся полтора часа,
и каждый предмет, и каждая деталь —
как тоже участник родословной.

Как редко ты так не-идёшь,
покалеченное время!..

5.

Кажется, прошлой осенью на этом месте
я повстречала одну пожилую женщину...

И она не знала, как мне грустно,
и я не знала, как грустно ей.

Какие красивые цветы!
Какие чудесные цветы!

Художник, приходи

Метро.

Руки, сложенные на коленях, — я не помню, чьи.

Красивые — я помню.

Неужели больше не будет Рембрандта?

Как это пережить — никогда не изобразить?
Красивые — что это значит?

В их стекающем движении
я слышу музыку,
её писал Бах.

22 век — рукой подать,
всё такой же
рукой Адама.

Я наблюдаю, удивляюсь и боюсь.

Неужели их больше не будут рисовать?..
И никто не расскажет Эрмитажем:

«Следующая станция — Парнас».
Художник, Художник, приди.
Вселись.

Озерки

1.

Замёрзшее озеро.

Берег.

И сосна

вдруг предстала передо мной,

такая контрастная и плавная,

гармоничным раздвоением

сочного ствола,

словно кифара.

И я подумала, почувствовала, вняла,

как она создана без изъяна,

каким-то выдохом или вдохом

мимо первородного греха.

А я не дерево, я не дерево.

2.

Вглядываюсь в детали,

и мне мерещится в её формах

тайная неизбежность совершенства:
расти та или другая ветка
правее или левее,
сломайся, стори —
она будет акме.

3.

В пространстве,
как во Христе.

Пластика

Преподавать он успел у нас мало.

Помню, что всюду – восьмёрки.

Мышцы вокруг костей и т.д.

Он заходил в аудиторию, хромая, и говорил, глядя на модель, оказавшуюся к нему спиной, что такая нога – слезу прошибает — выставленная вперёд. А мы — чего?

То есть лепим без слёз.

На самом деле я понимаю.

Я тоже плакала бы и плакала
над всеми формами на земле.

IV

* * *

В вечерний час пик
птичий голос
перекатывается по Старо-Невскому,
как леденец во рту.

Вон она посредине провода
над проезжей заболоченной частью.
А над ней, на голубом небе — след луны, как фантик.

Желтогрудая синичка колокольчиком
выдаёт звук —
обычный, привычный и непохожий.
Он выпадает, словно капля
чистой воды.

И я удивляюсь, как ритмичность или что-то ещё, непостижимое,
выделяют её песню из шума, и она возносится, как вершина.

И она, как точка в формате,
держит края.

* * *

На углу проспекта
женщина продавала подснежники.
У перехода скапливался и растворялся народ.

А она сидела на притолоке,
спокойная, смиренная.
И вид её как будто говорил, что цветы
всем нужны одинаково.
Хочешь — не бери.

* * *

Облетевший Летний сад.
На скамейке на краю перспективы
две женщины курят, спустив маски:
старуха и лет двадцати.
Осень. Он не приехал.

Скульптуры уже заколочены,
словно справедливость
восторжествовала:
что «римский император»,
что «юноша»,
что аллегии
все.

А на другом конце у Невы
«Сивилла европейская» —
допустим, старуха —
с Сивиллой Ливийской — допустим, девушкой...

Чуть дальше, без пары, третья — «Сивилла Самосская».
Допустим — я.

* * *

В серебряных сумерках — огни,
ещё они не нужны,

но уже зажигаются...
Это мои любимые
полчаса.

Обхожу Заячий.
За мостом
терраса с рестораном.
И мне так хочется, чтобы люди
бесполезно жили.

Под ногами
булыжники,
розовые нагло,
на песке влюблённые
и велосипедисты...

И чтобы — празднословили,
И чтобы — прожигали.

* * *

На соседнем эскалаторе — пассажиры.
Замечаю «Science» — на одной груди
и сферу с кольцами.

И, оглядывая лица,
поднимающиеся на окраинную станцию,
думаю о том, как ничего не меняется,
и только надписи на футболках кричат.

* * *

1.

На западе, за занавеской
солнце припекает.

Я знаю, оно сядет
ещё правее.

И в ближайшие часа два
Земля одолеет ещё несколько градусов,
а у меня не кружится голова.

2.

Потому что я не вижу
чего-то большого,
или меня ещё не настолько
коснулся космос.

* * *

Хлеб на люке
в тёплом круге
среди снега
хлеб на люке

как надежда
какой-то бабушки
на воробушка

прилетит
поест
и нам простят
СССР.

* * *

На Большой Конюшенной — изменилось.
Например, «ДЛТ» больше не «ДЛТ», как в детстве.
А «Пышечная» — «Пышечная» и сейчас.
И дальше, в сторону Мертенса, две или три витрины «Детского...» — ещё — «...мира»,
и они, как Медный всадник, — те же.
Будто гигантского Микки-Мауса, втиснутого в коробку окна,
не перейти, не пережить
в какой-то стиль
обетованный.

* * *

Закрытая «Маяковская».
У дверей в неприбывший поезд
женщина с газетой.
Цветные прямоугольники
разбросаны по развороту:
«уборщица», «уборщица» —
как будто только они и нужны.

* * *

После эскалатора, наверху,
где пересаживаются,
та несчастная, из детства,
с той же табличкой: «Ради Христа» — из детства.
У неё один глаз полузакрит.

А если ехать совсем поздно, встречаешь её мать:
«Почему так мало?»
«Неужели трудно
разжалобить камни?»

* * *

Прежде, чем я спросила:
«У вас всё хорошо?» —
дописав четверостишие,
девушка ушла.

Посмотрите в Инстаграм:
закат, розовый пруд

(но похолодало) —
она снимала.

Правда, не поймёшь правду:
а спина её сразу же выдаёт.

Мы сёстры
по скамейке.

* * *

Старушка, переступив через невысокое ограждение,
ступает по газону,
растворяется между стволов.

Как дерево, научившееся ходить.
Как научившееся дерево.

В чепчике, юбке, воздушной блузке,
в будущем,
в Чехова.

* * *

Берег. Ветрено.
На песке загорает женщина,
расстегнув застёжку на спине,
голова повёрнута вбок.

Музыка смешивается с пересчётом волны,
у уха бутылка воткнута...

И не спится
под ультрафиолетом,
пробирающим
до костей.

* * *

Мужчина в метро
глотнул коньяка и спрятал
стеклянную бутылку
в передний карман рюкзака с принтом «Loading 50 %».

Он приличного вида, и у него
нет бунта в глазах.

Шёл несанкционированный торговец между рядов.
И агитировал: «Универсальное средство для борьбы с темнотой» —
за свою лампочку — противоударную, светодиодную.

200 рублей.

Иногда кажется, всё стало столько стоить.

* * *

Старушечка, уточнившая
перед эскалатором,
вниз ли Парнас...
Спросила на платформе у дочки и мамы:
«По вечерам уже холодно, да?»

В прибывшем поезде
за стеклом
красные губы девушки:

«По вечерам уже холодно, да?
Как холодно по вечерам!»

* * *

От Удельной к Озеркам иду.
Думаю о том, как не перевернуть и не сдвинуть.
Старый красный трамвай взлетел на Поклонную.
И прошлое — впереди.
Я бы хотела вырезать скульптуру, как в Италии.
Смерть, где твой стиль?

* * *

Не знаю
названия этих деревьев.
Под ними стоят влюблённые.
Они цветут весной.

Она запрокинула голову.
Он её приобнял.

Как они счастливы!
Сливы?..
Яблони?..

* * *

Заворачиваюсь в пальто:
как промозгло.
И сырые кресты
точно
блестят.

Короста льда.
Производство.
Поддоны и надгробия.

Вода тает.
Удивительно, какая
мужественная вода:
ей до последнего — ничего.

* * *

На соседнем каменном участке
работал Коля.
У него были небо — глаза.

Коля был лет сорока,
с 16-ти — по тюрьмам.

Водрузив на плечо крест —
понёс.

Вот, всё.

За полем — аэропорт.
И самолёты
из России в Россию
летят.

Бюст

Во дворе
руины мира.

И все пьют.
Лучистый взгляд на осколках
то там, то сям.
Как будто гробница распространилась,
как грибница.

И мы Египтом заражены

* * *

За окном
за складки дальше
ныряет гряда
высоковольтных вышек.

Трава золотится зелению,
змеится безымянная речушка...

Кажется, за горизонтом — лес.
Кажется, в овраге — вода.

Кажется, туда провели
электричество,
где нас нет.

* * *

В электричке продают перчатки,
липкую ленту от мух,
пластырь на тканевой основе...

Соседка напротив
оглядывается на соседа,
он ладонью прикрыл лицо:
«Нет».

* * *

Вдоль тротуара
облетевшие кусты
с белыми ягодами.

Едят ли Вас птицы?
Есть ли смысл в Вашей жизни?

Нас давят дети,
рассыпав под ногами.

* * *

Мальчик,
подай мне
яблоко.

Оно не твоё.
И не моё.

И не того садовника,
который,
проезжая мимо на велосипеде,
попросил нас
воровать скорее.

* * *

У «Удельной» —
дерево:
ни листочка — зима.

А я не забыла,
а я напоминаю себе,
что это дуб
и смерти нет.

* * *

Мальчик

с виолончелью на спине
заучивал ноты на ходу,

И мне показалось,
они не задерживаются у него в голове
и просачиваются сквозь глаза —
на небо с голубыми просветами...

и там —
его память и музыка.

* * *

Большая Пушкарская.
Одиннадцатый час,
новогодняя ночь,
спина женщины.

Вон, кажется, вдали
квадрат огней,
в очередном потоке,
отстёгнутом от светофора...

Приди её номер,
Приди.

* * *

По двору
старуха вела старуху,
и они друг друга поддерживали.

Я ожидала увидеть,
кто-то молодой
выгуливает
пожилого кого-то...

А они шли и в нас не нуждались,
и не надеялись на нас.

* * *

К моим станциям
час пик
рассеивается.

Девочка лет девяти
склонила голову в маске
в сторону матери.

Как-то особенно вытягиваясь шеей,
будто всем телом
из куртки, шапки, шарфа...
Слепоты.

А женщина, коренастая, низкого роста,
прижала скрипку
своего ребёнка.

* * *

Кричат:
тюльпаны,
лилии,
хризантемы —
на выходе.

Где? Где? — озираюсь.

Я буду! Я приду!

Неужели тюльпаны?

Неужели лилии?

И хризантемы — есть?

* * *

Еду в метро.

Вспоминаю японцев,

которые едут в метро

в Стране восходящего солнца,

в самом большом городе мира — Токио.

Говорят, они добираются

на работу часа по три...

и всё успевают обдумать.

Мы даже не представляем...

* * *

Ворона с деревца

на соседнее

перепорхнула, как воздух,
как свист или сдвиг...
И я подумала: «Эх, я не ворона.
Как легко».
И я подумала: «Я ворона! Чем не...»
И коричневый снег,
И чёрные крылья,
как особая
седина.

* * *

На тёмной Гончарной мужчина
с плакатом:
«Одноразовые жидкости,
кальян,
табак».
Снег. Навалило.
Мы толкаемся,
и всем куда-то срочно нужно.

А ведь человек — это что-то больше,
и для чего-то другого — человек.
Но что написано, то написано.

* * *

Звякнула посуда на стеллаже:
вспомнилось детство
и все открытые двери:
из комнаты — в сени,
из сеней — на кухню,
крыльцо с сияющими щелями...
Сейчас мы будем ужинать
под следующую серию сериала
на одном из двух каналов.
Чашка задела тарелку.
Вилка скатилась к миске.
Вот бы ничего не кончалось.

* * *

Под арками «Галереи»
курит парень лет двадцати трёх.

Чёрные джинсы, белые кроссовки, худоба.
Снег, похожий на песок,
как потолок, обвалился...
Небо как будто снесли.
Я пролетела мимо, успев поверить,
что и он, наверное, думает о вечности...
Прячется, затягивается и спасётся.

* * *

Старуха кормила ворону —
никто больше не прилетел —
грязно-розовым пирожным —
«Удельная», конец.

И её это, может быть, насыщало —
старуху, не птицу —
под конец жизни быть нужной:
Воруй!
Воруй!

Пустая детская площадка,
плохая погода и нищета.
И «всё хорошо» всё равно —
как навязчивая мысль.

Гойя

Подвал «24 часа».
В торце длинного коридора с прилавком
спит человек в позе
«Сон разума рождает чудовищ».

Надрывается бесполезно
городской телефон.

Я убрала кефир в холодильник.
Я обойдусь, пожалуй.
Какая тёплая ночь.

И поднимаюсь домой
с этой картиной в уме.
Не всё продано, нет, не всё.

* * *

Приоткрылась фрамуга.
Показалась рука
и высыпала зерно.
Голубь уже ждал на карнизе.
И это стихи.
Я иду по Садовой внизу.
День не зря.
Главное — под ноги не смотреть:
там земля.

* * *

Метро.
Мужчина лет 60-ти
грязными ногтями листает
советский учебник по английскому...

Разве мы ещё куда-нибудь попадём,
где мы не родились?

Разве мы ещё куда-нибудь попадём,
где можно будет поговорить?

* * *

Столкнулись в дверях.
Человек сказал
то ли «здравствуйте!»,
то ли «прости».
Я подумала, эти слова
на все случаи незнакомства.

* * *

За окном электрички
проспект Славы.
Невысокие хрущёвки, пустырь, сквер...
Между ямами и выдернутыми трубами
мелькнула фигура ребёнка в красной куртке,
собака, мама.
И, наверное, вокруг них
вздывается та же пыль.

Она запомнит.
Она напишет.
Наташа — чистовик.

* * *

Сумерки.
Под навесом ТЦ
женщина женщине:
«Спасибо»,
вытаскивая тонкими пальцами
бисквитную трубочку сигареты
из заголовка «Смерть».

* * *

Стеллажи многоэтажек.
Перекрытия текстов.
Голуби, лёд, ларёк...

Всё — ещё — некрасиво,
Но — всё-таки — подол —

волочащегося
великолепного платья.

И — наблюдая
брызги, комки, черноту и пятна,
всё равно узнаёшь —
Чья походка.

* * *

Мальчик прошёл —
руки в карманы.

Старуха —
скандинавские палки.

Я выбираю
сесть на следующей станции метро,
чтобы пройтись

Перед Богом.

* * *

Дети спорили:
«Ты веришь в Бога?»
«Я думаю, я Бог».
«Это грех!»
А за окном
(из-за чего они повскакивали)
ездил
мойщик окон в ковше
подъехавшего крана.

И игра заключалась в том,
чтобы домахаться до него руками,
чтобы Он ответил.

* * *

У кого-то — работа:
сидя под лестницей,
у дверей на вокзал
объявлять:

«Нет» —
всем приходящим.

«Мужчина, вы куда?» —
два через два.

* * *

У неё картонный стакан
с горстью монет,
а в глазах под чёрным капюшоном
слёзы превратились в ледышки.

Она бездомная,
это значит
бесшторная
бесчайниковая
безгладильно-доскная.

* * *

Эти трое, разливающие водку в девять утра.
Когда они воскреснут?

У храма Анны и Симеона,
в который приезжал президент.

И мне они ближе,
чем машины и радость.

Как будто из Частовы
попали сюда по туннелю,
вырытому в стогу.

Их забытьё —
как прозрение о тщете:
мы другие, чем цели.

Мимо, как время, прохожу.

* * *

Я вошла в вагон.
Напротив — двое,
спят как будто
тысячу лет,

стекая друг по другу
тонкими костями,
а это всего лишь
третья станция на ветке.

* * *

Нищенка у метро
скорчилась.
Дрожит на поребрике,
как та собака,
которую я нашла в Крыму под скалой.
Раннее утро.
Розовело море.

Мы вытащили собаку,
ходили за ней,
и она умерла.

Я стою поодаль от женщины.
Вот она, думаю, — личность.
И ничего не могу.

* * *

На каждом подоконнике —
цветы,
когда я спускаюсь по лестнице,
прощаются со мной
застывшими
жестами.

И на семи этажах
они печальны, как строки,
которым не нашлось места
в чистовике.

Я вернусь, листья.
Может быть, удастся
что-нибудь поделать
со всем лишним.

Спокойный свет пыльный
обнимает живое,
проговаривая, что у любви
все свои.

* * *

Замечаю, что у голубя,
выскивающего крошки на ближайшей тропе,
обрезана лапка...

Задумываюсь, хватает ли ему
сознания — страдать?..

Бессмысленный глаз, лишённый блеска,
выглядит страшно неглубоко.

А мне так больно за голубя,
и мне ещё больней.

V

* * *

Смотреть не могу,
как корчится муха.
Проход между сиденьями. Метро.
Я смахнула её с юбки, а она,
видимо, цепляясь за ткань,
выживала со сломанным крылом.

Пассажиров стесняюсь, но
в тишине этого гула в середине дня
протягиваю ей кончик туфли.

И как-то муха пересаживается на меня,
не взлетая, выползает из-за колена...
Ладно уж, будь со мной.

Как она мучилась на полу...
Какое беспомощное брюшко...

Может быть, выберемся наверх,
всё мировое зло.

* * *

В субботу в сквере
перепрыгивает воробей.
Как он устроен дивно,
как слеплен весело,
И вся его конструкция — словно
слово любви.
В чём я боюсь признаться?
Какого не жду ответа?
Расшумелся куст.
И впускает жизнь.

* * *

Можно смотреть на почки
и плакать.

Это слишком пронзительно,
что всё живо.

Я стою под деревом.
Я могу уйти, куда хочу.

Какие вы будете?
Что вы готовите?

Впишите меня
в свои планы.

О грядущие кроны.

* * *

В нише у метро
голубок приютился.
Дождь лил. Сумерки опускались.
Наверное, у него сломано крыло.
Наверное, умрёт.

Сжимается моё сердце.
Как это, в этот угол
он забрался, чтобы не вылезти никогда?

Завтра будут говорить: «Христос воскрес».
Господи, сделай что-нибудь для всех птиц.

* * *

Во дворе
солнечные лучи
пронзают, как псалтырь,
последние листы...
Как я думаю о них,
если у меня
нет слов?
Как они есть?
Ветки — как трещины в воздухе.
Я сказала.
Но переплетенье теней — это завтрашний Бог.

* * *

Какую краску
ни открою
холодный красный
протыкаю рву
изнурённые тюбики
и краплак
краплак
как переносящий воздух

* * *

Смотрю из окна и вижу
все тропинки, по которым люди
выгуливают собак...

В разрастающемся севере,
в котором ещё нет теней...

Как тут можно заблудиться?
Как можно не знать, куда идти?

Если Ты меня видишь,
посмейся надо мной.

* * *

У дома —
камни и тростник.

Сухой и слабый —
над снегом.

Удивляюсь
ни с того вроде бы
ни с сего:

насколько — одно они
и — то же.

Невесомо — он лежит.
Болтается — тот —
неподъёмный.

* * *

Помоги мне, Господи,
укорениться
в Твоём гвозде

Я тянусь
видимостью листвы
к Твоей объёмной легенде
к Твоему осязаемому торжеству

О мой плотный Бог,
я призрак
и я тону

* * *

Боже, Боже,
как Тебя услышать?

Дождь идёт,
надёжно разнообразный,

обгоняя. Я
только подумала подумать
о дожде.

А дождь за окном
уже всё перечислил.
Помоги мне спросить
всё, что Ты ответил.

Уверение Фомы
(Ин. 20, 28)

В просвете между
спальными многоэтажками
заалели
рёбра-руины.

Выделился
заострённый остов купола,
очерчивающий небо с той стороны насквозь.

Я подошла ближе.

Перед бетонным разрисованным забором
мальчишка лет девяти
раскачивался на качелях на детской площадке,
сначала лицом ко мне, потом пересел,

То ли стесняясь моего внимания, то ли ещё из-за чего-то.
Я тоже смело встала посередине —
сфотографировать, как он
взлетает в Тело:
«Господь мой и Бог мой!» —
и умещается целиком.

Сретение (Лук. 2, 29)

На улице
одного из окраинных районов
перед глухой стеной торгового центра
в один из первых кажущийся уже весенним
ясный и морозный февральский день

за кустами,
на невысоком деревце,
едва отличимом от них,
замечаю
ржавое и сморщенное
последнее

яблоко, оказавшееся первым —
настолько оно не успело.

И его оттаивающие
бока
сияют торжествующе:
«Ныне отпускаеши» —
на голубом.

* * *

1.
Сотворил Бог
небо и землю.

И готово.
Красиво.

На каждом этапе,
как в натюрморте.

Когда Он отделил свет от тьмы,
можно было остановиться —
композиция,
композиция...

Но всё-таки на той же неделе
выкатились светила,
наострилась зелень,
птицы зажглись...

Может быть, я —
Его подпись под миром.

2.

Может быть, я —
такой последний штрих,

когда понимаешь, что закончить работу нельзя —
только отставить в сторону...

Может быть, я —
росчерк поперёк,
который возвращает миру
все возможности начала,

озадачивает зрителя
виртуозной небрежностью:
Какая лёгкость!
Какая непосредственность!..

Наверное, Он
не думал.

* * *

Господи,
я так хочу быть
Там, где Ты — в будущем,
а в прошлое,

куда невозможно попасть,
я так не хочу возвращаться,
что я очень боюсь.

Может быть, когда Ты помогаешь моему неверию,
Ты возвращаешь мне завтра,
которое и было в начале.

* * *

Опять она запела —
невидимая птица
на видимом кусте.

Я вижу его форму,
я слышу её слово.

Куст серый, без листьев,
в центре жёсткого тающего снега.
Посреди Марсова поля,
близ Троицкого моста.

Будто адреса только и нужны
для того, чтобы время от времени
между ними можно было найти
всему бездомному.

* * *

Меня ли ты зовёшь,
колокол?

Около шести, вблизи храма...

Кто-то померещился на той стороне дороги —
может быть, его.

А я пойду.

О борьбе со злом

Мне пришлось сражаться с тёмной тучей
мечом ручки
листа щитом
будто зло обитает в столешницах

Кольчуга клеточки защищает
в столешницах сердцах
испещрённых
лукавыми путями

Я пробовала использовать коленки:
то же самое
Видимо оно горизонтально
Больше стоять как вариант
Сопротивления

И не садиться даже
в пустом вагоне
Писать, может быть, на мольбертах:

По вертикали
как невидимые чернила
проступают ангелы

только непонятно
что делать с пятками
пятки как будто не спасти

разве что тянуться
встав на носки
в ночи

* * *

По-моему, это пионы.
Женщина наклонилась,
взяла бутон в ладонь и поднесла к лицу...

Что новое она услышит?
Я всегда удивлялась, как они упорно
нюхают и нюхают цветы.

А потом пойдёт другая женщина,
тоже восхитится
и спасёт мир.

* * *

Чёрная бабочка
вспорхнула

из намечающейся травы
и полетела поверх холма.

Она была первая.
Я ещё не видела бабочек.

Может быть,
я должна была побежать за ней.

Может быть,
я должна была на неё наступить,
а я любовалась.

* * *

Снегом заносит нас
будто песком
из неведомой пустыни
где забелили
снег песок
снег песок

не тает таить
Снег песог
Снег песог
с с с с с с с с
он скрежещет на зубах
или у меня
минусовая температура
во рту
не представляю
как они там:
мы всё-таки будущая вода

* * *

Как спокойно от первой
главы Бытия.
«И стало так» —
и я согласна с тем,
что сегодня туманно и несолнечно —
может быть, дождь пойдёт.

А вчера было тревожно,
всё валилось из рук — я успела забыть, что так бывает.
А как завтра — не знаю.
Надеюсь.
Боже,
«Так совершенны небо и земля».

* * *

На пустеющем краю
оживлённейшей площади у вокзала,
на темноту, забелённую метелью,
из мятой коробки, пристёгнутой к тележке,
разносится, что «Всё есть».

Как бы там ни было,
чтобы вы ни думали —

старушка переминается с ноги на ногу,
перевязанная платком, как в девятнадцатом веке, —

наушники, зарядки, проводники —
для всех телефонов.

И у неё можно спросить
дорогу к храму.

* * *

бабочка поднимается за окном
выше и выше
седьмого этажа —
скрылась

я
БЫЛА несколько секунд
пока я смотрела на бабочку

и вот
меня нет
в ожидании

следующего признака весны

* * *

В одном из скверов на пути к «Удельной»
тонкая невысокая берёза
не сбросила в декабре
ни листа.

Её воздушные монетки
повисли в воздухе,
как разрушенные житницы:
«Берите все».

Я проскальзываю мимо и гадаю:
«Что это за тайна тайн?» —
и только на сердце светло,
вместо ответа.

Афоризм

До электрички ещё
минут 25.
Я вышла к озеру.

Там за площадкой и невысокими кустами начинались заросли тростника.
Я углубилась на несколько шагов и запрокинула голову.
Тощие небоскрёбы тычут в небеса.
Мыслящий о мышлении, мыслящем о мышлении, мыслящем о мышлении...
Люди.

Лавируя между их пушистыми кисточками, скользнула птица, как самолёт...
Вот бы стать человеком.
Это следующий уровень.

* * *

Я смотрю под ноги на службе,
на плитку – наверное, мрамор, и вспоминаю,
как одна девушка говорила, что она верит: после Христа
мир стал совершенно другим, весь.

И этот камень — вчерашний известняк,
позавчерашние кости,
сегодняшний хлеб —

как будто и он носил бездну,
которую отодвинула волна Воскресения,
и я стою, не проваливаясь,
в верхнем храме.

* * *

Я иду в собор
на золотые шары
через дворы.

Я не вижу крестов,
я крещусь
на темноту непроглядную...

Но я верю,
что это церковь,
ночью — как утром.

* * *

Птичка,
Чирикнув
черкнув

нырнула
в красные кирпичи
как будто они ничто
Расписавшись
песней поперёк двора
прошла сквозь стену,
будто у неё там
под жестяным подоконником
Свобода

VI

* * *

Закат
благоухал и разливался,
как разбитый флакон.
Круглое солнце спускалось
в корзине, как Павел.
Вид был чётким, как дорожный знак,
как иероглиф, лаконичным...
Берег к Сестрорецку расширялся, как ладони,
не удерживающие уже
совсем ничего...
По краю воды, прогуливаясь,
шла беременная
в облегающем алом платье,
будто его заменой —
более правдивой.
Восковой тёплый воздух обтачивал меня, как мягко
лезвие доводят
на кожаном ремне.

* * *

Озеро перекатывает осколки и звенит, как в сказке,
словно тот ледок, который я не стала давить на лужах,
теперь весь свергнут.

Волны впиваются в грудь и отступают,
разъедая кромку, похожую на замёрзшую пену.
Мальчик, проезжая по берегу, окунул самокат в жижу.
Утки приютились в крапинках наклонившейся вербы.

Разгоняясь, ветер толкает шагающего голубя и взъерошивает перья
его прижатого крыла.

Дети копают каналы на песчаном холме.

Овчарка бегаёт кругами, непонятно чья.

У неё — ошейник, но за ней никого нет.

Вдаль уходит старик по краю всех событий,
оглядываясь на чаек.

Они кричат на голубой середине воды,
словно свергают там что-то и что-то основывают.

И я думаю, вот бы в каком-нибудь кино
показать спину этого человека.

Сколько нужно техники, сил, труда...
Поверь мне, бумага, было так красиво.

* * *

В деревне наш дом
ели жуки-короеды.
И следы их переселений
были как арабески.

Наверное, они
вышивали в глубине
полотенца
и выставляли
на следующую свадьбу.

Возвращаюсь из поля,
вглядываясь в даль,
просыпаюсь.

В тёмных сенях
порезы щелей,

и сочится свет,
словно первый день.

* * *

Серёга Песня
был влюблён в меня,
как какая-то птица.

Он лазал по деревьям
лучше всех мальчишек,
и та высокая берёза была — его.

Я не придумала эту фамилию.
Интересно, как там то дерево?

* * *

та баня чужая
на нашем участке
чужое на нашем участке
и мы принимали
как должное баню чужую

и то что чужие
в ней тоже не мылись как мы

или она
была всем непонятна
та баня

и ель нависала
как веки над ней

непрео
долимая
ель

* * *

Я бы ела
тот песок в карьере
в Частове-деревне.

Заговаривала бы:
«Песочек, песочек,
возвращайся в человека».

Он будет на зубах скрипеть,
но я улыбнусь: «Всё хорошо» —
это мой рот.

И я никому не скажу,
что там на самом деле происходит.

* * *

Журавль навис
над гнилой водой
на нашем участке.
И вся деревня
верит, что когда-то
колодец отчистится
и мы всех пустим.

* * *

Полотенце
сложилось под иконой —
мальчик над Окой.

И в его случайных складках
можно было не сомневаться.

Словно с Воскресенья
брошенные ткани
блаженны.

Сила тяжести,
вдыхающий Бог.

И оно свободно не способно
на уродливый вариант.

Рыбинское водохранилище

Две девочки на корме,
просунувшись сквозь перила,
простодушно хвастаются,
у кого папа кто.

Чинит корабли
или перевозчик.

Пенится водохранилище,
и брызги
летят из-под мотора.
Закат.
Мне виднее лицо одной,
в нём уже что-то трагичное, серьёзное, слишком взрослое.

Я смотрю на их спины и думаю:
«Это мои дети».

И воображаю, как бы я их мыла, переодевала,
гладила по голове, и не нахожу неприятия в себе или безгливости.

Они мои.

Это так странно, естественно, чудесно.

Дочки, сёстры, подруги.
Матери и старухи.

Сочи

Внизу под набережной —
две дерущиеся —
белая и чёрная собаки на пляже.

Я их снимала на видео.
Они — как набегающая волна,
и я всё собираюсь написать о них, но как будто пока нельзя,
и как будто
события прошлого ещё какое-то время происходят,
наблюдения длятся,
и перед моими глазами разворачивается
то ли любовная игра,
то ли схватка со смертельным концом.

Разжав челюсти, не попадая друг другу в пасти,
они стукались оскалами...
Кувыркались, бесстыдно вздёрнув лапы,
раскапывая спинами камни до чёрной земли...

И непонятно, чего они хотели,
страдаая,

не расставаясь,
и никто сверху не смел вмешаться.

И ничто не сопротивлялось им в феврале
на берегу
ледяного моря
как мира и разума.

* * *

«Хочу, чтобы папа бросил пить водку» —
фломастером выведено на гладком камне,

здесь их куча — под могилой Волошина.

Надписи стираются.

Я сижу над обрывом.

Рядом стрекочет кузнечик

на каком-нибудь «Всем добра!».

А потом перепрыгнет на

«Совместного ребёнка»,

«Мир во всем мире»,

«Чтобы никто не умирал».

Сиреневый сожжённый венок,
бледные цветы, ветер понёс
высохший и отвалившийся
куст репейника.

1877—1932.

И какой-то ребёнок верит,
что поэзия всеильна.

* * *

Касаюсь ствола,
как самой глубины.
Какой открытый Бог!
Земли и воды.

Как Ты мне доверяешь
рану и веру.

Провожу по коре.
Какое близкое дно.
И сердце Твоё
можно поцеловать.

Плато Ай-Петри

На скрюченной сосне,
впившейся в обрыв,
крикливый
искусственный венок.
Туманные облака
перетекают,
и Аю-Даг дёргает сердце —
где Артек.
Небо сегодня всё время меняется,
перекатывается, как тесто.
Кто-то здесь погиб.
И кто-то
не забывает.

И мне странная мысль приходит:
наверное, хорошо
приходить сюда вспомнить кого-то,
приносить сюда цветы.

Объявления доносятся с фуникулёра —
туристическое Ай-Петри.
А здесь, поодаль, ещё тишь, жизнь.
Ветерок.
И веноч, как икона
свиданий, прощания, любви.

Село Славное, недалеко от Тарханкута

1.

Утром пели петухи.
В открытом окне, под которым я спала на балконе,
уплывала туча,
высыхала гроза.

Юг как христианство.
День будет, каким мы его ждали.
Я лежу, открыв глаза.
Кукареку.
Кукареку.

2.

И я думаю, как хорошо, что Евангелие —
как подготовленное дно.
Я достаю до Петра
и не тону.

3.

И даже в крике петуха
я опираюсь на стихи.
И мне всё труднее додуматься
до отчаяния.

* * *

В последнюю ночь перед отъездом,
расстегнув палатку,
я увидела тёмную фигуру мальчишки.
Он остановился бросить камешек в воду.
Прозвенела разорванная гладь.
Три года назад было прохладно.
И такой же, как он, кидал камешки в воду
перед похожей на меня.

VII

Ярко-зелёный рукав,
торчащий из-под чёрной куртки,
ярко-зелёная куртка
шапка
деталь

кто-то мне когда-то говорил
кто-то мне говорил давным-давно —
это модный цвет

Подоконник
с разросшимся растением вроде вьюна,
розовым кустом, засохшим в горшке, и ничего не поделать,
подожду до весны перед тем, как выбрасывать:
вдруг он не умер;

листочком денежного дерева —
нашла на лестнице —
в воде:
понадеялась — даст корень —

я бы тогда раньше весны выкорчевала розу,
но и он
скукоживается, темнеет, гниёт...

И оглядывая весь этот пейзаж,
растянутый по горизонтали,
я думаю о том, что цветы
сделали для меня
всё, что могли.

* * *

Безделушек
нет
это всё очень нужные

штучка
бумажка
рыбка

лепесточек
бисеринка —

камни

сложу
под прибывающую пыль

всё что Бог уронил
и буду молиться
о летних каникулах

* * *

Складки белой ткани,
тонкой,
бесформенной,
льются
через натюрморт.

Закатное солнце,
как взболтанная газировка
после пасмурной
продолжительности дня.

Они красивы.
Это простое, ничего не значащее слово
вдруг встаёт на место,
где было сердце.

Как чисто изгибаются
сложные цилиндры —
я смотрю и вижу.

И у меня появилось время
как силы
остановиться.

Содержание

I		Октябрь.....	14
Поэт.....	3	Иммигрант.....	15
Свои.....	4	2018.....	16
Жанна.....	5	Японская литература.....	16
Церковь в Кондопоге.....	6	После когда.....	18
Дом.....	8	Электричка с Парнаса.....	18
Стихия.....	9	Древний Египет.....	19
Хлеб на люке.....	10	2019.....	19
Сквер.....	10	Иммунитет.....	20
Бунт.....	11	Psycho. Душа.....	21
Весна.....	11		
Иго.....	12	II	
Полиэтилен.....	13	Молодой лес.....	22
Кубик Рубика.....	13	Волшебный моток (Бахчисарай).....	23

Яковенково (Преображение)	25
Источники и отражения	26
Ожидание	27
Петергоф	29

III

Поклонная гора	31
Колосья с чужого поля	31
Выборгская сторона	33
В Адаме	34
Порошок, уходи	35
Сочельник	36
Художник, приходи	38
Озерки	40
Пластика	41

IV

«В вечерний час пик...»	42
«На углу проспекта...»	43

«Облетевший Летний сад...»	43
«В серебряных сумерках — огни...»	44
«На соседнем эскалаторе — пассажиры...»	46
«На западе, за занавеской...»	46
«Хлеб на люке...»	47
«На Большой Конюшенной — изменилось...»	48
«Закрытая „Маяковская“...»	48
«После эскалатора, наверху...»	49
«Прежде, чем я спросила...»	49
«Старушка, переступив через невысокое ограждение...»	50
«Берег. Ветрено...»	51
«Мужчина в метро...»	51
«Старушечка, уточнившая...»	52
«От Удельной к Озеркам иду...»	53
«Не знаю названия этих деревьев...»	53
«Заворачиваюсь в пальто...»	54
«На соседнем каменном участке...»	55

Бюст	55	«Метро. Мужчина лет 60-ти...»	67
«За окном за складки далей...»	56	«Столкнулись в дверях...»	68
«В электричке продают перчатки...»	57	«За окном электрички...»	68
«Вдоль тротуара...»	57	«Сумерки. Под навесом ТЦ...»	69
«Мальчик, подай мне яблоко...»	58	«Стеллажи многоэтажек...»	69
«У „Удельной“ — дерево...»	58	«Мальчик прошёл — руки в карманы...»	70
«Мальчик с виолончелью на спине...»	59	«Дети спорили...»	71
«Большая Пушкинская. Одиннадцатый час...»	59	«У кого-то — работа...»	71
«По двору старуха вела старуху...»	60	«У неё картонный стакан...»	72
«К моим станциям...»	60	«Эти трое, разливающие водку в девять утра...»	72
«Кричат: тюльпаны, лилии, хризантемы...»	61	«Я вошла в вагон...»	73
«Еду в метро...»	62	«Нищенка у метро ...»	74
«Ворона с деревца...»	62	«На каждом подоконнике — цветы...»	75
«На тёмной Гончарной мужчина...»	63	«Замечаю, что у голубя...»	76
«Звякнула посуда на стеллаже...»	64		
«Под арками „Галереи“...»	64	V	
«Старуха кормила ворону...»	65	«Смотреть не могу, как корчится муха...»	77
Гойя	66	«В субботу в сквере...»	78
«Приоткрылась фрамуга...»	67	«Можно смотреть на почки...»	78

«В нише у метро голубок приютился...»	79	«На пустеющем краю...»	95
«Во дворе солнечные лучи...»	80	«бабочка поднимается за окном...»	96
«Какую краску ни открою...»	81	«В одном из скверов на пути к „Удельной“...»	97
«Смотрю из окна и вижу...»	81	Афоризм	97
«У дома — камни и тростник...»	82	«Я смотрю под ноги на службе...»	98
«Помоги мне, Господи...»	83	«Я иду в собор...»	99
«Боже, Боже, как Тебя услышать?...»	83	«Птичка, чирикнув черкнув...»	99
Уверение Фомы (Ин. 20, 28)	84		
Сретение (Лук. 2, 29)	85	VI	
«Сотворил Бог небо и землю...»	86	«Закат благоухал и разливался...»	101
«Может быть, я...»	87	«Озеро перекатывает осколки и звенит, как в сказ- ке...»	102
«Господи, я так хочу быть...»	88	«В деревне наш дом...»	103
«Опять она запела...»	89	«Серёга Песня был влюблён в меня...»	104
«Меня ли ты зовёшь...»	90	«та баня чужая...»	104
О борьбе со злом	90	«Я бы ела тот песок в карьере...»	105
«По-моему, это пионы...»	92	«Журавль навис...»	106
«Чёрная бабочка вспорхнула...»	92	«Полотенце сложилось под иконой...»	106
«Снегом заносит нас...»	93	Рыбинское водохранилище	107
«Как спокойно от первой...»	94		

Сочи	109
«„Хочу, чтобы папа бросил пить водку“...»	110
«Касаюсь ствола...»	111
Плато Ай-Петри.....	112
Село Славное, недалеко от Тарханкута.....	113
«В последнюю ночь перед отъездом...»	114

VII

«Ярко-зелёный рукав...»	115
«Подоконник с разросшимся растением вроде вьюна...»	115
«Безделушек нет...»	116
«Складки белой ткани...»	117

Наталья Юрьевна Михайлова
Внешнее сердце

Редактор Вячеслав Моисеев
Корректор Людмила Моисеева
Верстка — Леонид Маслов
Фото Юрия Торлопова
На обложке фото автора

Допечатная подготовка:
Издательский центр МВГ,
e-mail: wgmoses@mail.ru,
тел. 8-902-365-41-99.

Подписано в печать 10.10.2023 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Универсальная Типография „Альфа Принт“»:
620049, Свердловская обл., г. Екатеринбург,
переулок Автоматики, дом № 2ж.

Тираж 200 экз. Заказ № 17752

ISBN 978-5-907680-65-4

9 785907 680654 >